

О. А. Плакида, О. Ю. Богданова

Метафорическое преломление концепта "machine" в произведении "Dandelion wine" Рэя Брэдбери

Статья посвящена вопросу метафорического преломления концепта "machine" в языковой картине мира, отображенной в произведении Рэя Брэдбери "Dandelion wine" («Вино из одуванчиков»). Выявление содержания и лингвистической специфики концепта "machine" было реализовано посредством концептуального анализа, включающего несколько этапов для установления его смыслового объема. Первоначально были подробно проанализированы определения лексической единицы "machine", представленные в различных словарях. За ядро концепта "machine" (ключевая лексема) было выбрано следующее словарное значение исследуемой лексической единицы: "device with moving parts that uses power to do a particular job" (устройство с движущимися частями, которое использует мощность для выполнения конкретной работы). В ходе исследования были выявлены составляющие лексемы, коннотации и ассоциации концепта "machine" – периферии данного концепта: "evil" (зло), "tears" (слезы), "cry" (крик), "wail" (причитание, рыдание), "sadness" (грусть, печаль), "weeping" (плач), "panic" (паника), "horror" (ужас), "accident" (несчастный случай). Данные определения, представляющие периферию исследуемого концепта, являются наиболее важными для автора произведения, поскольку выражают его видение реалий жизни. Символ «машины» очень метафоричен и дает возможность читателю построить свою собственную модель видения мира.

Ключевые слова: концепт, ядро концепта, периферия концепта, концептуальный анализ, концептуальная метафора, контекст.

О. А. Plakida, O. Ju. Bogdanova

Metaphorical interpretation of the concept "machine" in the work of Ray Bradbury "Dandelion wine"

The article is devoted to the problem of metaphorical interpretation of the concept "machine" in the language picture of the world as depicted in the novel of Ray Bradbury "Dandelion wine". The identification of the content and the linguistic specification of the concept "machine" was realized through conceptual analysis which involves several steps to establish its sense volume. Initially, the definitions of a lexical unit "machine", taken from different dictionaries, were analyzed in details. For the core of the concept "machine" (a key-lexeme) the following dictionary definition was chosen: "device with moving parts that uses power to do a particular job". It was revealed that the concept "machine" has different additional lexemes, connotations and associations – the periphery of this concept: "evil", "tears", "cry", "wail", "sadness", "weeping", "panic", "horror", "accident". These definitions, representing the periphery of the concept under study, are the most important for the author as long as they express his vision of life's realities. The symbol "machine" is very metaphorical and gives an opportunity for the reader to build his own model of life's vision.

Keywords: concept, concept kernel, concept periphery, conceptual analysis, conceptual metaphor, context.

Термин «концепт» в лингвистике и старый и новый одновременно. С. А. Аскольдов еще в 1928 г. опубликовал статью «Концепт и слово», но до середины XX в. понятие «концепт» не воспринималось как термин в научной литературе. В своей статье автор подчеркивал, что «вопрос о природе концептов, или общих понятий, или, по средневековой терминологии, универсалий – старый» [4, с. 268]. Он, указывая на заместительную функцию концепта, определяет его следующим образом: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [4, с. 267].

Период утверждения термина «концепт» в науке связан с определенной произвольностью

его употребления, размытостью границ, смешением с близкими по значению и/или по языковой форме терминами [11, с. 24].

В связи с этим представляется необходимым уточнить определение термина. В своем исследовании, посвященном проблеме понятий *концепт* и *картина мира* в философии языка, профессор М. Я. Блох определяет концепт как выделенное сознанием знание о некотором предмете (то есть предмете мысли, составляющем элемент бытия – действительного или воображаемого) [6, с. 101].

З. Д. Попова считает, что концепт рождается в виде первичного конкретного образа. Затем в процессе познавательной деятельности и в коммуникативной практике человека этот образ в его сознании постепенно приобретает новые концеп-

туальные уровни, окутывается новыми концептуальными слоями, что увеличивает объем концепта и насыщает его содержанием [10, с. 75].

Д. С. Лихачев под концептом понимал «своего рода алгебраическое выражение значения, которым человек оперирует в своей письменной речи» [8, с. 36]. Формирование концептов исследователь объясняет ограниченными возможностями человеческой памяти и сознания, а также спецификой личностного восприятия действительности: «Охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т. д.)». Кроме того, Д. С. Лихачев связывает содержание концепта с национально-культурным опытом говорящих: «Концепт является результатом столкновения словарного значения с личным и народным опытом человека». Совокупность таких концептов, по мнению исследователя, образует так называемую концептосферу, в которой концентрируется культура нации [8, с. 280].

С точки зрения В. Н. Телии, концепт – это продукт человеческой мысли и явление идеальное, а следовательно, присущее человеческому сознанию вообще, а не только языковому. Концепт – это конструкт, он не воссоздается, а «реконструируется» через свое языковое выражение и внеязыковое знание [13, с. 26].

Н. Д. Арутюнова в своих работах трактует концепт как понятие практической (обыденной) философии, возникающее в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей [3, с. 40]. При этом ключ к семантической модели концепта Н. Д. Арутюнова видит в следующих аспектах: наборе атрибутов, свидетельствующих о принадлежности к тому или иному концептуальному полю; определениях, которые обусловлены местом в системе ценностей, указывающих на функции в жизни человека [2, с. 12].

Интересная теория концепта предложена Ю. Д. Апресяном. Она основывается на следующих положениях:

1) каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира; выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается языком всем носителям;

2) свойственный языку способ концептуализации мира отчасти универсален, отчасти национально специфичен;

3) взгляд на мир (способ концептуализации) «наивен» в том смысле, что он отличается от научной картины мира, но это не примитивные представления [1, с. 39].

Следует согласиться с мнением Ю. С. Степанова, утверждающего, что «во всех духовных концептах мы можем довести свое описание лишь до определенной черты, за которой лежит некая духовная реальность, которая не описывается, а лишь переживается» [12, с. 13]. Существует единство законов между художественным мышлением писателя и восприятием действительности читателем, так как принцип человеческого восприятия один и тот же.

Отсутствие единого определения связано с тем, что концепт обладает сложной, многомерной структурой, включающей, помимо понятийной основы, социо-психо-культурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им. Она включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие данной культуре.

Из концептов складывается национальная концептосфера. По мнению А. П. Бабушкина, национальную концептосферу можно определить как «...совокупность знаний о том или ином предмете, являющемся составляющей языковой картины мира того или иного народа» [5, с. 10]. Проблемы национальной языковой картины мира теснейшим образом связаны с феноменом метафоры как одним из способов ее создания [2, с. 5].

В соответствии с теорией концептуальной метафоры Дж. Лакоффа, метафорические модели заложены в понятийной системе человеческого разума [7, с. 405]. Наблюдения за функционированием метафор признаются важным источником данных о функционировании человеческого разума. Положение о способности метафоры творить «новую реальность» Лакофф обосновывает не только примерами, но и логическими построениями, подобными следующему: поскольку значительная часть социальной реальности осмысливается в метафорических терминах и поскольку наше представление о материальном мире отчасти метафорично, метафора играет весьма существенную роль в установлении новой для нас реальности [7, с. 384–395].

Выявить содержание того или иного концепта, а также его лингвокультурную специфику можно посредством его концептуального анализа. В

данной статье рассматривается схема концептуального анализа, предложенная В. А. Масловой, и включающая несколько этапов для установления смыслового объема концепта:

1 – определение референтной ситуации, к которой принадлежит данный концепт (при исследовании художественного текста эта операция производится на его основе);

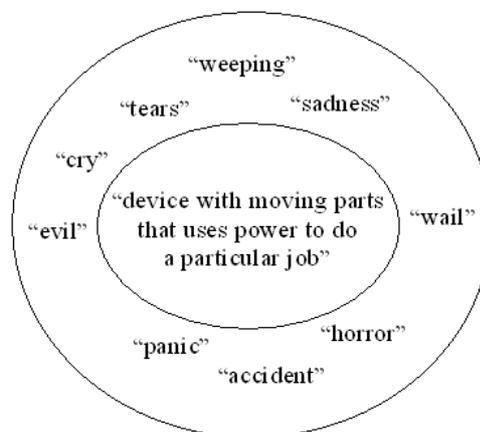
2 – установление места данного концепта в языковой картине мира и языковом сознании нации с использованием энциклопедических и лингвистических словарей, при этом словарная дефиниция считается ядром концепта;

3 – привлечение к анализу самых разнообразных контекстов;

4 – сопоставление полученных результатов с анализом ассоциативных связей ключевой лексики – ядра концепта. Под ядром концепта понимаются словарные значения той или иной лексики, а периферия – субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексики, коннотации и ассоциации [9, с. 59].

Главный источник материала для настоящей статьи – концепт "machine" в произведении Рэя Брэдбери "Dandelion wine". В концептуальном пространстве данного произведения концепт "machine" можно выделить как один из наиболее частотных. Данный концепт пронизывает все произведение и неразрывно связан с другими концептами. Для полного понимания сущности концепта "machine" следует обратиться к определениям данной лексической единицы, представленным в словарях. Анализ словарных дефиниций позволил получить следующие результаты: *"Machine* – is any device that transmits or modifies energy" (Wikipedia) (Машина – это любое устройство, которое передает или изменяет энергию.) *"Machine* – appliance or mechanical device with parts working together to apply power" (Oxford Student's Dictionary of Current English by A. S. Hornby) (Машина – средство или механическое устройство, составляющие части которого работают совместно для подачи питания.) В Longman Dictionary of Contemporary English под *"machine"* понимается "a piece of equipment with moving parts that uses power such as electricity to do a particular job; a computer; a group of people who control and organize something; a vehicle, especially a motorbike; a person or animal that does something very well or without having to think about it; someone who seems to behave like a machine and to have no feelings or thoughts" (единица оборудования с движущимися механизмами, ко-

торая использует источник энергии, такой как электричество, для выполнения той или иной работы; компьютер; группа людей, которая что-то контролирует или организует; транспортное средство, в частности мотоцикл; человек или животное, выполняющие что-то очень хорошо, не задумываясь над этим; некто, ведущий себя подобно машине и не имеющий чувств и мыслей). The Free English Dictionary дает следующее определение: "a device consisting of fixed and moving parts that modifies mechanical energy and transmits it in a more useful form" (устройство, состоящее из неподвижных и движущихся частей, которое изменяет механическую энергию и передает ее в более полезной форме). Webster's International Dictionary of the English Language определяет *"machine"* как "a constructed thing whether material or immaterial" (сконструированный объект материального или нематериального происхождения). Проанализировав определения данной лексической единицы, представленные в словарях, за ядро концепта "machine" мы выделили следующее определение как весьма приемлемое в контексте данного исследования: "device with moving parts that uses power to do a particular job" (устройство с движущимися частями, которое использует мощность для выполнения конкретной работы).

Теперь обратимся к исследуемому произведению и попытаемся определить, как концепт "machine" представлен у Рэя Брэдбери. Автору свойственно негативное отношение к машине как таковой. Рэю Брэдбери, как в свое время романтикам, в машине виделось «Зло», какую бы изначально гуманную цель она не преследовала. «Зло» в романе «Вино из одуванчиков» приносит «Машина счастья», изобретенная Лео Ауфманом и представляющая собой что-то вроде объемного

стерео-кинематографа. Так, Лина Ауфман, находясь в «Машине счастья», начинает плакать: "And then inside the Happiness Machine, Lena Auffmann began to weep. The inventor's smile faded. "She's crying," said Naomi. "Wait". There his wife sat, tears rolling down her cheeks. "Let me finish". She cried some more" (А потом внутри Машины счастья, Лена Ауфман начала плакать. Улыбка изобретателя исчезла. «Она плачет, – сказала Наоми. – Подождите». Там сидела его жена, слезы катились по ее щекам. «Позвольте мне закончить», – она поплакала еще немного.) Сын Лео Ауфмана – Саул – оказавшийся в «Машине счастья» раньше своей мамы, тоже плачет: "In his room Saul wept, his head buried in his pillow. "No... no..." he sobbed. "Over... over..." "Saul, you had a nightmare? Tell me about it, son." But the boy only wept." (Саул плакал в своей комнате, с головой уткнувшись в подушку. «Нет... нет...», – рыдал он. «За... за...» «Саул, тебе приснился кошмар? Расскажи мне об этом, сынок!». Но мальчик только плакал.) Выбираясь из «Машины счастья», Лина Ауфман называет ее самой печальной вещью в мире, «Машиной грусти»: "Oh, it's the saddest thing in the world!" she wailed. "I feel awful, terrible". She climbed out through the door"; "What else? The machine says, "You're young." I'm not. It lies, that "Sadness Machine!" («О, это самое печальное в мире! – запричитала она. – Я чувствую себя отвратительно, ужасно». Она вылезла через дверь. «Что еще? – говорит Машина. – Ты молод. А я – нет. Она обманывает, эта «Машина грусти!».)

Зеленая машина, на которой сестры Ферн сбивают мистера Куотермейна, приносит чувства паники, ужаса: "Then they stopped, their mouths surprised. What they heard was only the pure sound of panic, their hearts in their chests. Above the uproar, they tried to make themselves heard. "What've we done! Poor Mister Quartermain!" "We must've killed him"; "There was a terrible thud. The Green Machine sailed on in the hot daylight, under the shady chestnut trees, past the ripening apple trees. Looking back only once, the two old ladies' eyes filled with faded horror. The old man lay on the sidewalk, silent". "And then" whispered Fern, "this afternoon! Oh, this afternoon!" "It was an accident." "But we run away, and that's criminal!" (Затем они остановились и их лица перекосило от удивления. То, что они услышали, было чистым отголоском паники и биением их сердец в груди. Они попытались сделать так, чтобы их услышали, несмотря на шум вокруг. «Что мы наделали! Бед-

ный мистер Квартермейн». «Мы, должно быть, убили его». Раздался ужасный стук. Зеленая машина поплыла под жарким солнечным светом, под тенистыми каштанами, мимо созревающих яблонь. Две пожилые дамы оглянулись назад и их глаза наполнились ужасом. Старик лежал на тротуаре без движения». «И тогда», – прошептал Ферн, «в полдень! О, в этот полдень!» «Это был несчастный случай!» «Но мы убегаем, и это преступно!») В данном контексте Зеленая машина служит причиной аварии, принесшей несчастья и страдания. Символ Зеленой машины очень метафоричен, таким образом, можно предположить, что автор преследует цель акцентировать внимание читателей именно на этом достаточно жестоким образе для выражения своего видения реальный жизни.

К сожалению, в рамках данной статьи невозможно в полном объеме привести все примеры-оригиналы, используемые писателем для описания концепта "machine" в произведении. Однако, подводя итог проведенного исследования, мы пришли к следующему заключению: концепт "machine" у Рэя Брэдбери объединяет в себе такие понятия, как "evil" (зло), "tears" (слезы), "cry" (крик), "wail" (причитание, рыдание), "sadness" (грусть, печаль), "weeping" (плач), "panic" (паника), "horror" (ужас), "accident" (несчастный случай).

Схематично концепт "machine" в произведении может быть представлен следующим образом: вероятно, для Рэя Брэдбери наиболее важна периферия концепта, чем его ядро. «Машина» – не «средство, совершающее полезную работу и облегчающее жизнь человека», а источник «слез», «паники», «печали», «зла», «несчастий».

Как правило, у каждого писателя есть множество излюбленных метафор. Они, повторяясь, обогащаются, меняются, в них вкладывается собственный смысл, который лишь отчасти соответствует словарному. Это и есть концепты, которые составляют ядро творчества любого автора. Благодаря этому в сознании читателя создается многогранный образ концепта, который дает возможность каждому принять ту или иную сторону или построить свою собственную модель видения мира.

Библиографический список

1. Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М.: Высшая школа, 1995.

2. Арутюнова, Н. Д. Логический анализ языка. Культурные концепты [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991.
3. Арутюнова, Н. Д. Логический анализ языка. Ментальные действия [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1993.
4. Аскольдов, С. А. Концепт и слово [Текст] / С. А. Аскольдов // Русская словесность: Антология / под. ред. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267–280.
5. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А. П. Бабушкин. – Воронеж, 1996.
6. Блох, М. Я. Проблема понятий концепта и картины мира в философии языка [Текст] / М. Я. Блох // Преподаватель XXI век. – 2007. – № 1 – С. 101–105.
7. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387–415.
8. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д. С. Лихачев. – М.: Academia, 1997.
9. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику [Текст] / В. А. Маслова. – М.: Флинта : Наука, 2007.
10. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2003.
11. Рудакова, А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика [Текст] / А. В. Рудакова. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2002.
12. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
13. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1996.
14. Bradbury Ray. Dandelion wine. New York, 1957.
15. Философский энциклопедический словарь [Текст]. – М., 1997
16. The Free English Dictionary, 1994.
17. Hornby, A. S. Oxford Student's Dictionary of Current English, 1966.
18. Longman Dictionary of Contemporary English, 1992.
19. Webster's International Dictionary of the English Language, 1974.
2. Arutyunova, N. D. Logicheskij analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty [Tekst] / N. D. Arutyunova. – M.: Nauka, 1991.
3. Arutyunova, N. D. Logicheskij analiz yazyka. Mental'nye dejstviya [Tekst] / N. D. Arutyunova. – M.: Nauka, 1993.
4. Askol'dov, S. A. Kontsept i slovo [Tekst] / S. A. Askol'dov // Russkaya slovesnost': Antologiya / pod. red. V. P. Neroznaka. – M.: Academia, 1997. – S. 267–280.
5. Babushkin, A. P. Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoj semantike yazyka [Tekst] / A. P. Babushkin. – Voronezh, 1996.
6. Blokh, M. YA. Problema ponyatij kontseptu i kartiny mira v filosofii yazyka [Tekst] / M. YA. Blokh // Prepodavatel' KHKHI vek. – 2007. – № 1 – S. 101–105.
7. Lakoff, Dzh. Metafory, kotorymi my zhivem [Tekst] / Dzh. Lakoff, M. Dzhonson // Teoriya metafory. – M., 1990. – S. 387–415.
8. Likhachev, D. S. Kontseptosfera russkogo yazyka [Tekst] / D. S. Likhachev. – M.: Academia, 1997.
9. Maslova, V. A. Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku [Tekst] / V. A. Maslova. – M.: Flinta : Nauka, 2007.
10. Popova, Z. D. YAzyk i natsional'naya kartina mira [Tekst] / Z. D. Popova, I. A. Sternin. – Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 2003.
11. Rudakova, A. V. Kognitologiya i kognitivnaya lingvistika [Tekst] / A. V. Rudakova. – Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 2002.
12. Stepanov, YU. S. Konstany. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya [Tekst] / YU. S. Stepanov. – M.: SHkola «YAzyki russkoj kul'tury», 1997.
13. Teliya, V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty [Tekst] / V. N. Teliya. – M.: Nauka, 1996.
14. Bradbury Ray. Dandelion wine. New York, 1957.
15. Filosofskij ehntsiklopedicheskij slovar' [Tekst]. – M., 1997
16. The Free English Dictionary, 1994.
17. Hornby, A. S. Oxford Student's Dictionary of Current English, 1966.
18. Longman Dictionary of Contemporary English, 1992.
19. Webster's International Dictionary of the English Language, 1974.

Bibliograficheskij spisok

1. Apresyan, YU. D. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya [Tekst] / YU. D. Apresyan. – М.: Vysshaya shkola, 1995.